

— Имя?

— Линь.

— У тебя нет фамилии?

— Да, сэр. В ваших документах это должно быть указано. Я с детства был сиротой — вероятно, из-за генетической болезни родители бросили меня в раннем возрасте. Даже сейчас многие мои части тела недоразвиты, и по ним трудно определить расовые черты... Поэтому у меня нет фамилии.

Инспектор внутреннего надзора, услышав это, бросил взгляд на лежавший на столе небольшой рубин — основу ритуального круга. Яркий блеск внутри него мерцал в такт сердцебиению Линя, сидевшего на другой стороне формации.

Мерцание оставалось ровным, без изменений.

Однако инспектор не проявил к Линю ни тени дружелюбия, просто перевернул лист в стопке своих бумаг.

Впрочем, даже будь он приветлив, это бы мало помогло: единственным источником света в комнате для допросов являлась лампа над его головой, включённая на полную мощность. При таком свете Линь не мог различить лица инспектора, а уж тем более выражения.

Однако Линь ничего не сказал.

Как «слепец», который постоянно носил повязку на глазах, но при этом мог сквозь неё видеть, он иногда жалел, что ткань не блокировала свет.

Это, несомненно, было одним из способов внутреннего надзора пытать допрашиваемого. Глаза Линя неприятно жгло, но, учитывая его новую тайную личность, такая мелкая попытка выглядела ничем по сравнению с очистительным сожжением.

Изучив данные о физическом состоянии Линя, инспектор отметил, что, по сравнению с остальными зверюдами, его показатели находились на самом дне — он уступал даже детям некоторых видов. Ни ночного зрения, ни способности видеть вибрацию, ни ультразвукового слуха, ни прочих врождённых умений, свойственных множеству рас. Так что он признал правду слов Линя.

«У этого парня болезнь действительно тяжёлая. Надо бы ему поскорее накопить денег и обратиться в церковь Матери Первозданной Крови, к хорошему кровеплотяному целителю», — с этой мыслью инспектор перевернул лист и продолжил чтение.

На третьей странице перечислялись члены семьи Линя.

Для него не стало неожиданностью, что семья у молодого инквизитора складывалась из беспризорников, сплотившихся ради выживания. Для священников Дракона Света чинить лампы считалось долгом, а самые ревностные каждую неделю добровольно патрулировали бедные районы, где фонари ломались чаще всего. Поэтому о жизни в трущобах и тамошних разрозненных группировках они знали немало.

То, что парень перед ним сумел выбраться из той среды, поступить в школу инквизиторов... Да, у ритуалистов проходной балл был ниже, а требования к физической форме меньше, но всё же это стоило значимых усилий. Каждый семестр Линь получал стипендию, даже перепрыгнул через один курс и всё равно выпустился как лучший студент. Это заслуживало уважения.

Стремление к развитию вполне соответствовало учению Дракона Света, и инспектор проникся к нему определённой симпатией.

Но, разумеется, он не подал виду и лишь перевёл взгляд на две соседние строки ниже.

Парамба Масима — тяжёлая генетическая болезнь, множество осложнений.

Снежноцапка Койоти — пропала без вести.

Ещё ниже шли мнения учителей, коллег и начальников.

Внимательно их изучив, инспектор произнёс:

— У тебя серьёзная потребность в деньгах.

— Кхм... — в голосе молодого человека послышалось лёгкое смущение. — Я не собираюсь это отрицать, но, клянусь, все мои доходы законны и соответствуют правилам Инквизиции.

— Мы проведём несколько проверок твоих счетов и счетов твоей семьи. С этим проблем не будет?

— Разумеется, нет.

Ответ прозвучал твёрдо. Инспектор снова взглянул на рубин: ритм его мерцания оставался без изменений.

Он решил перейти к главному.

— Почему во вторник этой недели ты ездил в Содальвиль?

— Директор инквизиторской школы Содальвиля связался с директором Шпиневилля Тихомиром и пожаловался, что студенты-ритуалисты у них плохо проходят боевой экзамен. По приглашению нашего директора я поехал поделиться опытом... Не буду отрицать, сэр, командировочные сыграли свою роль.

— Твоя лекция проходила во вторник днём. Почему ты не вернулся вечером того же дня?

— Директор пригласил меня на ужин. К тому же я ранее купил в долг партию шпинелей и взял их с собой в Содальвиль. Если бы я не успел их продать, то разорился бы. Во вторник весь день был расписан, времени не нашлось, пришлось искать покупателей в среду.

— К кому именно ты обратился? С кем встречался?

Линь немного подумал и перечислил имена, а также время и место встреч.

«Неплохая память, как и положено ритуалисту», — отметил инспектор.

Записывать он не стал, зная, что в соседней наблюдательной комнате этим занимаются другие.

— Перед посадкой в поезд ты знал, что возвращаешься тем же рейсом, что и Фельдграу Дуофюр?

— Я вообще понятия не имел, что он был в Содальвиле. Когда увидел его в вагоне, чуть не подпрыгнул от неожиданности.

— Почему встреча с верховным инквизитором тебя так удивила?

— Эм... Ну, я думал, что после командировки спокойно поеду домой, а тут — ко мне подходит начальник. Разве это не звучит как внеурочная работа? Хорошо, что верховный инквизитор оказался человеком с пониманием и не потащил меня на инспекцию. Если честно, я бы хотел всю жизнь работать с ним.

— После вашей встречи ты рассказывал кому-нибудь о его передвижениях?

— Нет. Правила конфиденциальности инквизитора запрещают разглашать подобную информацию.

— Хм... — инспектор внутреннего надзора на мгновение задумался.

Он перевернул страницу, и лампа над его головой синхронно качнулась.

Качание усилило резь в глазах Линя — возможно, это было сделано нарочно.

Далее последовал вопрос, на который ему не очень хотелось отвечать.

— В поезде ты уснул и увидел странный сон, верно? Ты помнишь, что тебе приснилось?

«Конечно же».

Даже такой высокопоставленный человек, как Фельдграу Дуофюр, наверняка проходил проверку, и, если бы он не изложил внутреннему надзору всех подробностей того, что происходило в метро, Линь, не услышав сейчас этого вопроса, мог бы заподозрить, что вместо верховного инквизитора они допрашивали какого-то самозванца.

С профессиональной этикой у Линя проблем не имелось.

К сожалению, в данном случае он не мог сказать правду. Если бы он озвучил содержание сна, его бы немедленно отправили на костёр.

В подземном городе, чтобы не повышать уровень углекислого газа, кремация проводилась редко — но это не касалось культистов и монстров.

Для общества дополнительный углекислый газ представлял куда меньше опасности, чем осквернение, приносимое трупами последователей тёмных богов.

Так сформировалась культурная установка: если кого-то сожгли заживо или кто-то погибал в огне, значит, он был злодеем. Линь не возражал бы против кремации, но быть сожжённым заживо он категорически отказывался.

«Любая сила, источником которой не являются Шесть Божественных Столпов, происходит от зла... Но я ведь не совершал ничего такого, что заслуживает сожжения!»

С этой мыслью он заговорил:

— Да, странный сон... Кажется, мне снилось то, что происходило до моего рождения.

Рубин на столе инспектора мерцал ровно, без изменений.

— Хотя я видел перед собой лишь сплошную красноту, мне казалось, будто родители со мной разговаривают, — Линь заставил себя вспомнить родителей из своего прошлого мира. Даже

здесь, в этом месте, как только в голове зазвучали их голоса, на его лице появилось мягкое, тёплое выражение. — Я хотел сказать им, что я теперь инквизитор... Интересно, могу ли я всё ещё их найти?

По своему опыту инспектор понимал, что это невозможно: возраст, в котором его бросили, был слишком мал, а отсутствие расовых признаков исключало возможность поиска.

Вспомнив, каких усилий этот молодой человек добился, и увидев, что ритуальный круг не показывает лжи, он непроизвольно смягчился.

Свет лампы над его головой стал чуть тусклее — он озарял лицо Линя, по которому медленно стекали две слезинки.

Повязка, закрывающая глаза, намочла. Молодой человек выглядел сейчас особенно незащитным.

Инспектор беззвучно вздохнул, нажал кнопку на столе, и металлические фиксаторы, державшие Линя за руки, ноги и талию, со щелчком разжались.

— Всё, можешь идти, — холодным голосом оповестил он. — По событиям вчерашней поездки ты должен сдать письменный отчёт — сегодня. И ещё: пока мы не уведомим тебя об обратном, ты не можешь покидать центральное отделение. Понятно?

Молодой человек, пошатнувшись, поднялся и тихо ответил:

— Понятно.

В соседней комнате наблюдатели, видевшие весь допрос, смотрели, как он медленно выходит.

— Всё равно думаю, что он подозрителен, — сказал один из присутствующих.

Им являлся высокий и крепкий мужчина. Даже просто поза со скрещенными руками подчёркивала его широкую грудь и рельефные мышцы под обтягивающей боевой формой. Лицо у него было грубым, глаза — кроваво-красными, кожа и вьющиеся волосы — тёмными. На макушке торчали высоко поднятые конские уши. Выглядел он на сорок-пятьдесят лет.

Чёрное инквизиторское пальто покоилось на его плечах, а на левой стороне груди сиял золотой значок, подтверждающий ранг. На правой ноге мужчины отсутствовал положенный высокий сапог — вместо стопы виднелся обнажённый протез в форме острого клинка.

Этот темнокожий конелюд, способный одним своим мрачным видом распугать всё живое с улицы, недовольно фыркнул.

Секретарь Ловветро, стоявший рядом, не выдержал и вступился за Линя:

— Заместитель верховного инквизитора, вы просто не любите тех, кто слишком часто говорит о деньгах...

— Разумеется, не люблю! — рявкнул тот так, что его почти можно было услышать в допросной.
— Я видел таких слишком много: деньги разъедают волю инквизитора!

— Но Линю нужны средства на лечение — себя и семьи. Вы же сами читали его дело, — секретарь Ловветро устало вздохнул. — К тому же среди ритуалистов, готовых участвовать в полевых заданиях и идти на передовую, Линь единственный, кто делает это добровольно. Да он и не новичок: ещё работая на нижних уровнях, он ловил культистов Девы Серебряной Луны; а потом раскрыл то дело о серии убийств, благодаря чему его перевели в центральное отделение. Я не думаю, что это он.

— Культистов ловили все. Другие, кто знал о миссии, тем более не могли быть причастны. Я с ними хорошо знаком — мы много лет работаем вместе... — проворчал заместитель и повернулся к человеку, сидевшему напротив. — Верховный инквизитор, пожалуйста, скажите что-нибудь.

— Кхм... — голос Фельдграу Дуофюра был немного хриплым. — Боюсь, я не очень подхожу для обсуждения текущей темы.

— Почему же? — удивился заместитель, посмотрев на него.

После чего уголки его рта дёрнулись.

— Верховный инквизитор, — произнёс он с некоторой растерянностью, — а вы-то почему плачете?

<http://bllate.org/book/12612/1119957>